

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

НИКОЛАЙ
ЛЕЙКИН

Наши за границей
В гостях у турок

*Юмористическое описание путешествия супругов
Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых
через славянские земли в Константинополь*

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Л42

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Лейкин, Николай Александрович.

Л42 Наши за границей. В гостях у турок / Николай Лейкин. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-215029-6

Николай Лейкин (1841–1906) — один из самых известных петербургских писателей XIX века. Его живой юмор и самобытный язык остаются актуальными до сих пор.

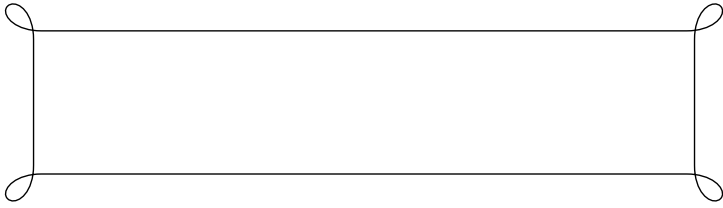
«Наши за границей. В гостях у турок» — это одно из продолжений его произведения «Наши за границей», которое приобрело большой успех среди читателей. На этот раз купец Николай Иванович Иванов и его жена Глафира Семеновна отправляются в Турцию. Там герои посещают «славянские земли», а также проводят несколько увлекательных дней в разных городах — Белграде и Софии. Из-за наивного взгляда на жизнь купеческая семья постоянно попадает в увлекательные путешествия и забавные ситуации. На примере Ивановых Лейкин подмечает национальные особенности и культурные традиции.

Третья книга из цикла о путешествиях Николая и Глафиры Ивановых (Турция).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-215029-6

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

НЕ БЫТЬ ДИКИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Скорый поезд только что вышел из-под обширного, крытого стеклом железнодорожного двора в Будапеште и понесся на юг, к сербской границе.

В вагоне первого класса, в отдельном купе, изрядно уже засоренном спичками, окурками папирос и апельсинными корками, сидели не старый еще, довольно полный мужчина с русой подстриженной бородой и молодая женщина, недурная собой, с красивым еще бюстом, но тоже уж начинающая рыхлеть и раздаваться в ширину. Мужчина одет в серую пиджачную парочку с дорожной сумкой через плечо и в черной барашковой скуфейке на голове, дама в шерстяном, верблюжьего цвета платье с необычайными буфами на рукавах и в фетровой шляпке со стоячими крылышками каких-то пичужек. Они сидели одни в купе, сидели друг против друга на диванах, и оба имели на диванах по пуховой подушке в белых наволочках. По этим подушкам каждый, хоть раз побывавший за границей, сейчас бы сказал, что

это русские, ибо за границей никто, кроме русских, в путешествие с пуховыми подушками не ездит. Что мужчина и дама русские, можно было догадаться и по барашковой скуфейке на голове у мужчины, и, наконец, по металлическому эмалированному чайнику, стоявшему на приподнятом столике у вагонного окна. Из-под крышки и из носика чайника выходили легонькие струйки пара. В Будапеште в железнодорожном буфете они только что заварили в чайнике себе чаю.

И в самом деле, мужчина и дама были русские. Это были наши старые знакомцы, супруги Николай Иванович и Глафира Семеновна Ивановы, уже третий раз выехавшие за границу и на этот раз направляющиеся в Константинополь, дав себе слово посетить попутно и сербский Белград, и болгарскую Софию.

Сначала супруги Ивановы молчали. Николай Иванович ковырял у себя в зубах перышком и смотрел в окно на расстилающиеся перед ним, лишенные уже снега, тщательно вспаханные и разбороненные, гладкие, как бильярд, поля, с начинающими уже зеленеть полосами озимого посева. Глафира же Семеновна вынула из саквояжа маленькую серебряную коробочку, открыла ее, взяла оттуда пудровку и пудрила свое покрасневшее лицо, смотрясь в зеркальце, вделанное в крышечке, и наконец произнесла:

— И зачем только ты меня этим венгерским вином поил! Лицо так и пышет с него.

— Нельзя же, матушка, быть в Венгрии и не выпить венгерского вина! — отвечал Николай Иванович. — А то дома спросит кто-нибудь, пили ли венгерское, когда через цыганское царство проезжали?

И что мы ответим? Я нарочно даже паприки этой самой поел с клобсом. Клобс, клобс... Вот у нас клобс — просто бифштексик с луковым соусом и сметаной, а здесь клобс — зраза, рубленая зраза.

— Во-первых, у нас бифштексики с луком и картофельным соусом называются не просто клобс, а шнельклобс, — возразила Глафира Семеновна. — А во-вторых...

— Да будто это не все равно!

— Нет, не все равно... Шнель по-немецки значит «скоро, на скору руку»... А если клобс без шнель...

— Ну уж ты любишь спорить! — махнул рукой Николай Иванович и сейчас же переменял разговор. — А все-таки в этом венгерском царстве хорошо кормят. Смотри-ка, как хорошо нас кормили на станции Будапешт! И какой шикарный ресторан. Молодцы цыгане.

— Да будто тут все цыгане? — усомнилась Глафира Семеновна.

— Венгерцы — это цыгане. Ты ведь слышала, как они разговаривают: кухар... гахач... кр... гр... тр... горлом. Точь-в-точь как наши халдеи по разным загородным вертепам. И глазищи у них с блюдечко, и лица черномазые.

— Врешь, врешь! По станциям мы много и белокурых видели.

— Так ведь и у нас в цыганских хорах есть нечерномазые цыганки. Вдруг какая-нибудь родится не в мать, не в отца, а в проезжего молодца, так что с ней поделаешь! И наконец, мы только еще что въехали в цыганское царство. Погоди, чем дальше, тем все черномазее будут, — авторитетно сказал Николай

Иванович, пошевелил губами и прибавил: — Однако, рот так и жжет с этой паприки.

Глафира Семеновна покачала головой.

— И охота тебе есть всякую дрянь! — сказала она.

— Какая же это дрянь! Растение, овощ... Не сидеть же повсюду, как ты, только на бульоне да на бифштексе. Я поехал путешествовать, образование себе сделать, чтобы не быть диким человеком и все знать. Нарочно в незнакомые государства и едем, чтобы со всеми ихними статьями ознакомиться. Теперь мы в Венгрии, и что есть венгерского, то и подавай.

— Однако фишзупе потребовал в буфете, а сам не ел.

— А все-таки попробовал. Попробовал и знаю, что ихний фишзупе — дрянь. Фишзупе — рыбный суп. Я и думал, что это что-нибудь вроде нашей ухи или селянки, потому у венгерцев большая река Дунай под боком, так думал, что и рыбы всякой много, а выходит совсем напротив. По-моему, этот суп из сельдяных голов, а то так из рыбьих голов и хвостов. У меня в тарелке какие-то жабры плавали. Солono, перечно... кисло... — вспоминал Николай Иванович, поморщился и, достав из угла на диване стакан, стал наливать себе в него из чайника чаю.

— Бр... — издала звук губами Глафира Семеновна, судорожно повела плечами и прибавила: — По-годи... накормят тебя еще каким-нибудь крокодиллом, ежели будешь спрашивать разные незнакомые блюда.

— Ну и что ж?.. Очень рад буду. По крайности, в Петербурге всем буду рассказывать, что крокодила

ел. И все будут знать, что я такой образованный человек без предрассудков, что даже до крокодила в еде дошел.

— Фи! Замолчи! Замолчи, пожалуйста! — замахала руками Глафира Семеновна. — Не могу я даже слушать... Претит...

— Черепаху же в Марсели ел, когда третьего года из Парижа в Ниццу ездили. Лягушку под белым соусом в Сан-Ремо ел. При тебе же ел.

— Брось, тебе говорят!

— Ракушку в Венеции проглотил из розовой раковинки, — хвастался Николай Иванович.

— Если ты не замолчишь, я уйду в уборную и там буду сидеть! Не могу я слышать такие мерзости.

Николай Иванович умолк и прихлебывал чай из стакана. Глафира Семеновна продолжала:

— И наконец, если ты ел такую гадость, то потому что был всякий раз пьян, а будь ты трезв, ни за что бы тебя на это не хватило.

— В Венеции-то я был пьян? — воскликнул Николай Иванович и поперхнулся чаем. — В Сан-Ремо — да... Когда я в Сан-Ремо лягушку ел — я был пьян. А в Венеции...

Глафира Семеновна вскочила с дивана.

— Николай Иваныч, я ухожу в уборную! Если ты еще раз упомянешь про эту гадость, я ухожу. Ты очень хорошо знаешь, что я про нее слышать не могу!

— Ну, молчу, молчу. Садись, — сказал Николай Иванович, поставил пустой стакан на столик и стал закуривать папироску.

— Брр... — еще раз содрогнулась плечами Глафира Семеновна, села, взяла апельсин и стала очищать

его от кожи. — Хоть апельсином заесть, что ли, — прибавила она и продолжала: — И я тебе больше скажу. Ты вот упрекаешь меня, что я за границей в ресторанах ничего не ем, кроме бульона и бифштекса.. А когда мы к туркам приедем, то я и бифштекса с бульоном есть не буду.

— То есть как это? Отчего? — удивился Николай Иванович.

— Очень просто. Оттого, что турки — магометане, лошадей едят и могут мне бифштекс из лошадиного мяса изжарить, да и бульон у них может быть из лошадиатины.

— Фю-фю! Вот тебе и здравствуй! Так чем же ты будешь в турецкой земле питаться? Ведь уж у турок ветчины не найдешь. Она им прямо по их вере запрещена.

— Вегетарианкой сделаюсь. Буду есть макароны, овощи — горошек, бобы, картофель. Хлебом с чаем буду питаться.

— Да что ты, матушка! — проговорил Николай Иванович. — Ведь мы в Константинополе остановимся в какой-нибудь европейской гостинице. Петр Петрович был в Константинополе и рассказывал, что там есть отличные гостиницы, которые французы держат.

— Гостиницы-то, может быть, и держат французы, да повара-то турки.. Нет-нет, я уж это так решила.

— Да неужели ты лошадиного мяса от бычьего не отличишь!

— Однако ведь его все-таки надо в рот взять, пожевать.. Тьфу! Нет-нет, это уж я так решила, и ты

меня от этого не отговоришь, — твердо сказала Глафира Семеновна.

— Ну путешественница! Да изволь, я за тебя буду пробовать мясо, — предложил Николай Иванович.

— Ты? Да ты нарочно постарайся меня накормить лошадиатиной. Я тебя знаю. Ты озорник.

— Вот невероятная-то женщина! Чем же это я доказал, что я озорник?

— Молчи, пожалуйста. Я тебя знаю вдоль и поперек.

Николай Иванович развел руками и обидчиво поклонился жене.

— Изучены насквозь. Помню я, как вы в Неаполе радовались, когда я за табльдотом съела по ошибке муть — этих проклятых улиток, приняв их за сморчки, — кивнула ему жена. — Вы должны помнить, что со мной тогда было. Однако сниму-ка я с себя корсет да прилягу, — прибавила она. — Кондуктору дан гульден в Вене, чтобы никого к нам не пускал в купе, стало быть, нечего мне на вытяжке-то быть.

— Да конечно же, сними этот свой хомут и все подпруги, — поддакнул Николай Иванович. — Не перед кем здесь кокетничать.

— Да ведь все думается, что не ворвался бы кто-нибудь.

— Нет-нет. Уж ежели взял гульден, то никого не выпустит. И наконец, до сих же пор он держал свое слово и никого не впустил к нам.

Глафира Семеновна расстегнула лиф и сняла с себя корсет, положив его под подушку. Но только что она

улеглась на диване, как дверь из коридора отворилась и показался в купе кондуктор со щипцами.

— Ich habe die Ehre... — произнес он приветствие. — Ihre Fahrkarten, mein Herr...¹

Николай Иванович взглянул на него и проговорил:

— Глаша! Да ведь кондуктор-то новый! Не тот уж кондуктор.

— Нови, нови... — улыбнулся кондуктор, простригая билеты.

— Говорите по-русски? — радостно спросил его Николай Иванович.

— Мало, господине.

— Брат-славянин?

— Славяне, господине, — поклонился кондуктор и проговорил по-немецки: — Может быть русские господа хотят, чтобы они одни были в купе?

В пояснение своих слов он показал супругам свои два пальца.

— Да-да... — кивнул ему Николай Иванович. — Их гебе...² Глаша! Придется и этому дать, а то он пассажиров в наше купе напустит. Тот кондуктор, подлец, в Будапеште остался.

— Конечно же, дай... Нам ночь ночевать в вагоне, — слышалось от Глафиры Семеновны. — Но не давай сейчас, а потом, иначе и этот спрыгнет на какой-нибудь станции и придется третьему давать.

— Я дам гульден!.. Их гебе гульден, но потом... — сказал Николай Иванович.

¹ Честь имею. Ваши билеты, господин (*нем.*).

² Я даю... (*нем.*) — Здесь и далее при переводе ошибки в иностранных языках не отражены.

— Нахер... Нахер...¹ — прибавила Глафира Семеновна.

Кондуктор, очевидно, не верил, бормотал что-то по-немецки, по-славянски, улыбался и держал руку пригоршней.

— Не верит. Ах, брат-славянин! За кого же ты нас считаешь! А мы вас еще освобождали! Ну ладно, ладно. Вот тебе полгульдена. А остальные потом, в Белграде... Мы в Белград теперь едем, — говорил ему Николай Иванович, достал из кошелька мелочь и подал ему.

Кондуктор подбросил на ладони мелочь и развел руками.

— Мало, господине... Молим една гульден, — произнес он.

— Да дай ты ему гульден! Пусть провалится. Должны же мы на ночь покой себе иметь! — крикнула Глафира Семеновна мужу.

Николай Иванович сгреб с ладони кондуктора мелочь, додал ему гульден и сказал:

— На, подавись, братушка...

Кондуктор поклонился и, запирая дверь в купе, проговорил:

— С Богом, господине.

ФЮЛИОПСЛЗАЛАЛС

Стучит, гремит поезд, проносясь по венгерским степям. Изредка мелькают деревеньки, напоминающие наши малороссийские, с мазанками из глины,

¹ Позже... позже... (нем.)

окрашенными в белый цвет, но без соломенных крыш, а непременно с черепичной крышей. Еще реже попадаются усадьбы — непременно с маленьким жилым домом и громадными, многочисленными хозяйственными постройками. Глафира Семеновна лежит на диване и силится заснуть. Николай Иванович, вооружившись книжкой «Переводчик с русского языка на турецкий», изучает турецкий язык. Он бормочет:

— Здравствуйте — селям алейкум, благодарю вас — шюкюр, это дорого — нахалы дыр, что стоит — не дээр, принеси — гетир, прощайте — Аллах ысмарладык.. Язык сломать можно. Где тут такие слова запомнить! — говорит он, вскидывает глаза в потолок и твердит: — Аллах ысмарладык.. «Аллаха»-то запомнишь, а уж «ысмарладых» этот — никогда. Ысмарладых, ысмарладых.. Ну дальше.. — заглядывает он в книжку. — «Поставь самовар». Глафира Семеновна! — восклицает он. — В Турции-то про самовар знают, значит, нам уже с чаем мучиться не придется.

Глафира Семеновна приподнялась на локте и поспешно спросила:

— А как самовар по-турецки?

— Поставь самовар — «сую кайнат». Стало быть, самовар — «кайнат».

— Это действительно надо запомнить хорошенько. Кайнат, кайнат, кайнат.. — три раза произнесла Глафира Семеновна и опять прилегла на подушку.

— Но есть слова и легкие, — продолжал Николай Иванович, глядя в книгу. — Вот, например, табак — «тютюн». Тютюном и у нас называют. Багаж — «уруба», деньги — «пара», деревня — «кей», гостиница — «хан», лошадь — «ат», извозчик — «арабаджи».. Вот

эти слова самые нужные, и их надо как можно скорее выучить. Давай петь, — предложил он жене.

— Как петь? — удивилась та.

— Да так... Говорят, при пении всего скорее слова запоминаются.

— Да ты никак с ума сошел! В поезде петь!

— Но ведь мы потихоньку... Колеса стучат, купе заперто — никто и не услышит.

— Нет, уж петь я не буду и тебе не позволю. Я спать хочу...

— Ну как знаешь. А вот «железная дорога» слово трудное по-турецки — «демирийолу».

— Я не понимаю только, чего ты спозаранку турецким словам начал учиться! Ведь мы сначала в Сербию едем, в Белграде остановимся, — проговорила Глафира Семеновна.

— А где ж у меня книжка с сербскими словами? У меня нет такой книжки. Да, наконец, братья-славяне нас и так поймут. Ты видела давеча кондуктора из славян — в лучшем виде понял. Ведь у них все слова наши, а только на какой-то особый манер. Да вот тебе... — указал он на регулятор отопления в вагоне. — Видишь надписи: «тепло... студено...» А вон вверху около газового рожка, чтобы свет убавлять и прибавлять: «свет... тма...» Неужели это непонятно? Братья-славяне поймут.

Поезд замедлил ход и остановился на станции.

— Посмотри-ка, какая это станция. Как называется? — спросила Глафира Семеновна.

Николай Иванович стал читать и запнулся:

— Сцабацс... По-венгерски это, что ли... Решительно ничего не разберешь, — отвечал он.

— Да ведь все-таки латинскими буквами-то написано.

— Латинскими, но выговорить невозможно... Сзазба...

Глафира Семеновна поднялась и сама начала читать. Надпись гласила: «Szabadszallas»¹.

— Сзабадсзалась, что ли! — прочла она и прибавила: — Ну, язык!

— Я тебе говорю, что хуже турецкого. Цыгане... И наверное, как наши цыгане, конокрадством, воровбой и лошадиным барышничеством занимаются, а также и насчет того, где что плохо лежит. Ты посмотри, в каких овчинных накидках стоят! А рожи-то, рожи какие! Совсем бандиты, — указал Николай Иванович на венгерских крестьян в их живописных костюмах. — Вон и бабы тут... Подол у платья чуть не до колен и сапоги мужские с высокими голенищами из несмазанной желтой кожи...

Глафира Семеновна смотрела в окно и говорила:

— Действительно страшные... Знаешь, с одной стороны, хорошо, что мы одни в купе сидим, а с другой...

— Ты уж боишься? Ну вот... Не бойся... У меня кинжал в дорожной сумке.

— Какой у тебя кинжал! Игрушечный.

— То есть как это игрушечный? Стальной. Ты не смотри, что он мал, а если им направо и налево...

— Поди ты! Сам первый и струсишь. Да про день я ничего не говорю... Теперь день, а ведь нам придется ночь в вагоне ночевать...

¹ Сабадсаллаш (венг.).

— И ночью не беспокойся. Ты спи спокойно, а я буду не спать, сидеть и караулить.

— Это ты-то? Да ты первый заснешь. Сидя заснешь.

— Не засну, я тебе говорю. Вечером заварю я себе на станции крепкого чаю... Напьюсь — и чай в лучшем виде сон отгонит. Наконец, мы в вагоне не одни. В следующем купе какие-то немцы сидят. Их трое... Неужели в случае чего?..

— Да немцы ли? Может быть, такие же глазастые венгерцы?

— Немцы, немцы. Ты ведь слышала, что давеча по-немецки разговаривали.

— Нет, уж лучше днем выспаться, а ночью сидеть и не спать, — сказала Глафира Семеновна и стала укладываться на диван.

А поезд давно уже вышел со станции с трудно выговариваемым названием и мчался по венгерским полям. Поля направо, поля налево, изредка деревушка с церковью при одиночном зеленом куполе, изредка фруктовый сад с стволами яблонь, обмазанными известкой с глиной и белеющимися на солнце.

Опять остановка. Николай Иванович заглянул в окно на станционный фасад и, увидав на фасаде надпись, сказал:

— Ну, Глаша, такое название станции, что труднее давешнего. «Фюлиопс...» — начал он читать и запнулся. — Фюлиопсдзалакс.

— Вот видишь, куда ты меня завез, — сказала супруга. — Недаром же мне не хотелось ехать в Турцию.

— Нельзя, милая, нельзя... Нужно всю Европу объехать, и тогда будешь цивилизованный человек.

Зато потом, когда вернемся домой, есть чем похвастать. И эти названия станций — все это нам на руку. Будем рассказывать, что по таким, мол, местностям проезжали, что и название не выговоришь. Стоит написано название станции, а настоящим манером выговорить его невозможно. Надо будет только записать.

И Николай Иванович, достав свою записную книжку, скопировал в нее находящуюся на стене станции надпись: «Fülöpszallas»¹.

На платформе у окна вагона стоял глазастый и черный, как жук, мальчик и протягивал к стеклу бумажные тарелочки с сосисками, густо посыпанными изрубленной белой паприкой.

— Глафира Семеновна! Не съесть ли нам горячих сосисок? — предложил жене Николай Иванович. — Вот горячие сосиски продают.

— Нет-нет. Ты ешь, а я ни за что... — отвечала супруга. — Я теперь вплоть до Белграда ни на какую и станцию не выйду, чтобы пить или есть. Ничего я не могу из цыганских рук есть. Почему ты знаешь, что в этих сосисках изрублено?

— Да чему же быть-то?

— Нет-нет.

— Но чем же ты будешь питаться?

— А у нас есть сыр из Вены, ветчина, булки, апельсины.

— А я съем сосисок...

— Ешь, ешь. Ты озорник известный.

Николай Иванович постучал мальчику в окно, опустил стекло и взял у него сосисок и булку, но

¹ Фюлопсаллас (венг.).

только что дал ему две кроны и протянул руку за сдачей, как поезд тронулся. Мальчишка перестал отсчитывать сдачу, улыбнулся, ткнул себя рукой в грудь и крикнул:

— Тринкгельд, тринкгельд¹, мусью...

Николаю Ивановичу осталось только показать ему кулак.

— Каков цыганенок! Сдачи не отдал! — проговорил он, обращаясь к жене, и принялся есть сосиски.

НЕТ, НЕ НАДУЕШЬ!

Поезд мчится по-прежнему, останавливаясь на станциях с трудно выговариваемыми не для венгерца названиями: Ксенгед, Кис-Керес, Кис-Жалас. На станции Сцабатка поезд стоял минут пятнадцать. Перед приходом на нее кондуктор-славянин вошел в купе и предложил, не желают ли путешественники выйти в имеющийся на станции буфет.

— Добра рыба, господине, добро овечье мясо... — расхваливал он.

— Нет, спасибо. Ничем не заманишь, — отвечала Глафира Семеновна.

Здесь Николай Иванович ходил с чайником заваривать себе чай, выпил пива, принес в вагон какой-то мелкой копченой рыбы и коробку шоколада, которую и предложил жене.

— Да ты в уме? — крикнула на него Глафира Семеновна. — Стану я есть венгерский шоколад! Наверное, он с паприкой.

¹ Чаевые, чаевые (нем.).

— Венский, венский, душечка... Видишь, на коробке ярлык: «Wien».

Глафира Семеновна посмотрела на коробку, понюхала ее, открыла, взяла плитку шоколаду, опять понюхала и стала кушать.

— Как ты в Турции-то будешь есть что-нибудь? — покачал головой муж.

— Совсем ничего подозрительного есть не буду.

— Да ведь все может быть подозрительно.

— Ну уж это мое дело.

Со станции Сцабатка стали попадаться славянские названия станций: Тополия, Вербац.

На станции Вербац Николай Иванович сказал жене:

— Глаша! Теперь ты можешь ехать без опаски. Мы приехали в славянскую землю. Братья-славяне, а не венгерские цыгане... Давеча была станция Тополия, а теперь Вербац... Тополия от тополь, Вербац от вербы происходит. Стало быть, уж и еда и питье славянские.

— Нет-нет, не надуеть. Вон черномазые рожи стоят.

— Рожи тут ни при чем. Ведь и у нас, русских, могут такие рожи попасться, что с ребенком родимчик делается. Позволь, позволь... Да вот даже поп стоит и в такой же точно рясе, как у нас, — указал Николай Иванович.

— Где поп? — быстро спросила Глафира Семеновна, смотря в окно.

— Да вот... В черной рясе с широкими рукавами и в черной камилавке...

— И в самом деле поп. Только он больше на французского адвоката смахивает.